

УДК 80'42

ФРАЗЕОСХЕМА «V FINIT (ПР. ВР.) + И + V FINIT (ПР. ВР.)!» В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© **Ольга Викторовна АКБАЕВА**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация, соискатель, кафедра теории языка
и русского языка, e-mail: o.akbaeva@yandex.ru

Описаны фразеосинтаксические схемы современного русского языка с опорным компонентом *и*. Актуальность исследования обусловлена неизученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. В исследовании были использованы следующие методы: описательный, метод компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный метод, а также метод фразеографического портретирования, этимологического, контекстуального и дискурсивного анализа. Фразеосхема с опорным компонентом *и* описана в структурном, семантическом, этимологическом, парадигматическом, синтагматическом, стилистическом, фразеологическом и функциональном аспектах. Обоснован фразеологический статус данной фразеосхемы и ее принадлежность фразеологической подсистеме языка. Установлено, что фразеосхема имеет два обязательных компонента (неизменяемый и изменяемый), характеризуется признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности и экспрессивности, обладает неизменяемой структурой, служащей моделью для построения аналогичных предложений-высказываний. Доказано, что фразеосхема выражает не только пропозициональное значение, но и фразеосинтаксическое значение. В целом фразеосхема с опорным компонентом *и* достаточно частотна в практике речевой коммуникации, что обусловлено ее системными и функциональными характеристиками. Ее использование в разговорной речи повышает эффективность процесса коммуникации, придает ему непринужденный характер.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; фразеосинтаксическая схема; фразеологическая подсистема; русский язык.

Фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы) представляют собой важный ресурс разговорной речи. Они относятся к экспрессивным ресурсам языка и имеют фразеологический статус [1]. История изучения фразеосхем начинается в середине XX в. К ключевым исследованиям по данному объектному пространству можно отнести работы В.Л. Архангельского [2], Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, В.Ю. Меликяна и некоторых других ученых.

Фразеосхемы являются самостоятельным классом синтаксических фразеологических единиц [3]. По характеру опорного компонента они делятся на несколько групп: с опорным компонентом, выраженным наречием (вопросительным и невопросительным), местоименным словом, частицей, междометием, предлогом, полнозначительным словом и союзом [4]. Настоящее исследование посвящено описанию фразеосхемы с опорным компонентом *и*.

Фразеосхема «**V finit (пр. вр.) + и + V finit (пр. вр.)!**» является полисемичной. В системе языка она выражает три значения:

1) «согласие, допущение, примирение (принятие предмета речи)», например:

«...Глуп, говорит, ты!» **Ну, глуп и глуп, не впервой мне это от него слышать...** (Н.С. Лесков. Соборяне);

2) «оценку предмета речи как обычного, соответствующего норме, традиционному представлению о нем (нейтральное отношение к предмету речи)», например:

– *Госсподи!* – *Что госсподи? Госсподи сделала или госсподи не сделала?* – **Ну сделала и сделала.** – *А по моим наблюдениям, ты ничего не делала. – Верочка вспыхивает и вихрем летит куда-то в глубину квартиры и возвращается через две секунды, размахивая голубым дневником, откуда вылетает розовая промокашка с наклеенной картинкой: корзинка фиалок и два голубка – и долго зигзагами планирует по комнате. Верочка швыряет тетрадь на выкройку, быстро переворачивает страницы.* (В.П. Катаев. А+В в квадрате);

3) «констатацию факта (отстраненное отношение к предмету речи)», например:

Остановились купить боржома, и пьяный мужик подле киоска четко сказал мне почти в восхищении: – У-у, еврей какой, евреяга прямо. – Неня толкнул его рукой от меня, и он с удивленным лицом отскочил к стене. – Да оставь ты его, Мара, ну, сказал и сказал, и что? Что обижаться-то? Пьяный человек, дурной, – сказал Неня с досадой. (М.М. Зайчик. В нашем регионе).

Значения данной фразеосхемы являются близкими по своему характеру. Однако есть и отличительная черта. Все значения различаются ценностным отношением говорящего к предмету речи: первое выражает «*принятие предмета речи*» (говорящий активно относится к предмету речи, оценивает его и формулирует свое положительное отношение к нему), второе – «*нейтральное отношение к предмету речи*» (говорящий активно относится к предмету речи, оценивает его и формулирует свое нейтральное отношение к нему), третье – «*отстраненное отношение к предмету речи*» (говорящий пассивно относится к предмету речи, отказывается от его оценивания и формулирования своего отношения к нему) [3].

Фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» является производной. Она сформировалась на основе сложноподчиненного предложения с придаточным условия, например:

– Если он **бросил** работу, то **и пусть бросил!** Никому до этого нет дела. (Из разг. речи).

Данная фразеосхема сформирована на основе сказуемого обеих частей сложноподчиненного предложения. При этом в качестве сказуемого выступает одна и та же лексема. Кроме того, из производящего предложения заимствован усилительный союз *и*, который употребляется для усиления выразительности в начале вопросительных и восклицательных предложений [5], например:

Степан даже привскочил, с сердцем ответил: – **И** чего ты привязался? (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

Значение «согласия, допущения, примирения и т. д.» фразеосхема заимствует у частицы *пусть*: «**Пусть. 2. частица.** Употребляется для выражения примирения с чем-л., принятия чего-л.» [5]. Значения частицы *пусть* и усилительного союза *и* в составе производящего сложноподчиненного пред-

ложения апплицируются друг на друга в силу своей близости (неполнозначительность) и функционируют в качестве единого структурно-семантического блока. Это делает возможным при трансформации сложноподчиненного предложения во фразеосхему в соответствии с законом экономии, который активно действует в сфере синтаксических фразеологических единиц, опустить часть сочетания *и пусть* [3].

Таким образом, фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» сформирована совершенно иным способом, в отличие от других фразеосхем с опорным компонентом-союзом, например: *а то, если бы, уж на что, нет чтобы, хоть бы, чтоб* [6]. Она базируется не на одной из частей сложноподчиненного предложения (как правило, придаточной, т. к. союз предшествует ей и присоединяет ее к главной части), а на сказуемом обеих частей. Кроме того, в качестве опорного компонента используется не подчинительный союз (к примеру: *а то, если бы, уж на что, нет чтобы, хоть бы, чтоб*), как в других фразеосхемах, а усилительный союз *и*, который выполняет в исходном сложноподчиненном предложении вспомогательную функцию, модифицируя субъективно-модальное значение его главной части. Это обусловлено авторской интенцией, которая заключается не в установлении причинно-следственных связей между двумя ситуациями, репрезентированными обеими частями сложноподчиненного предложения, а в стремлении актуализировать, выделить субъективно-модальное значение «примирения с чем-л., принятия чего-л.». В дальнейшем, в практике речевой коммуникации данное значение было дифференцировано по различным сферам и ситуациям употребления на три близких по своему исходному характеру значения.

В качестве обязательного неизменяемого компонента данной фразеосхемы выступает лексема *и*. Опорный компонент специфичен, о чем было сказано выше. Еще одна его особенность заключается в том, что он занимает интерпозицию.

Внутренняя форма опорного компонента связана с усилительным союзом *и*, означаемое которого не коррелирует с категориальным значением «согласия, допущения, примирения и т. д.» данной фразеосхемы. Сема

«усиления, акцентирования, выделения» присутствует во фразеосинтаксическом значении фразеосхемы, однако не является основной. Кроме того, она, как правило, детерминирована целым рядом специфических источников, типичных для фразеосхемы вообще. Таким образом, можно утверждать, что значение усилительного союза *и* деактуализировано в составе данной фразеосхемы. Кроме того, с точки зрения грамматики его контактное расположение между сказуемыми двух частей сложноподчиненного предложения никак грамматически не оправдано. Это подтверждает факт деактуализации значения опорного компонента.

Обязательный неизменяемый компонент *и* фразеосхемы «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» является однокомпонентным и парадигматическими свойствами не обладает в силу своего лексико-грамматического статуса неизменяемой части речи (союза). Известно, что союзы не имеют специальных морфологических средств для выражения синтаксических значений. Эта характеристика унаследована опорным компонентом от исходной союзной лексемы.

Обязательный изменяемый компонент характеризуется наличием полной лексико-грамматической парадигмы (за исключением личного местоимения): «**Vfinit [N, Adj, Adv] + и + Vfinit [N, Adj, Adv]!**». Анализ языкового материала показал, что наиболее продуктивной частью речи является глагол (**V**), остальные встречаются намного реже. Например:

1) *Вот это и есть мое отношение к Индии. Боги так везде, но в Индии это как-то особенно очевидно. Вы очень несерьезно относитесь к смерти. Как-то высказали: что такое смерть, ну умер и умер... БГ. По моему, к смерти очень серьезно относятся те, кто жалеет не своих умерших близких, а себя. Как можно жалеть умершего человека, его уже нет?* (В.К. Молчанов, К. Сегура. И дольше века...);

2) – *У лешего наружность обыкновенная. Мужичок и мужичок. Вроде меня.* (К.Г. Паустовский. Повесть о лесах).

Морфологическая парадигма обязательного изменяемого компонента потенциально полная. По мнению В.В. Виноградова, это обусловлено тем обстоятельством, что союзы являются неизменяемыми словами, не явля-

ются членами предложения, а потому «непосредственно не влияют на форму отдельных слов» [7]. При этом чаще всего используется форма прошедшего времени глагола (**Vfinit (пр. вр.)**). Другие части речи и другие их формы, кроме названных выше, в практике речевой коммуникации встречаются крайне редко.

Обязательный изменяемый компонент лексически свободно варьируем.

Фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» синтаксической парадигмой не обладает по причине необратимости порядка следования ее обязательных структурных компонентов. Это детерминировано утратой синтаксических отношений между структурными элементами модели предложения.

В составе данной фразеосхемы выявлен один факультативный компонент (*ну*), который занимает исключительно препозицию: «**<Ну> Vfinit [N, Adj, Adv] + и + Vfinit [N, Adj, Adv]!**». Например:

– *Ну ладно, ладно, – сказала мама, – к тебе девочка пришла, а ты... Ничего, барышня, не волнуйся. Он уж у нас такой балбес, не понимает... Ну, разбила и разбила, не пообедем... – Женщина говорила очень ласково, даже как-то слишком ласково, так, что Аленке стало неудобно. – А вы к нам только переехали? Да?* (А.В. Драбкина. Волшебные яблоки);

Данный факультативный компонент имеет следующее значение: «**Ну. 2. частица. 5. Разг.** Употребляется в значении союза, указывающего на вывод, заключение или вводное замечание. – *Ну, и гости, разумеется, при этом случае бывают. И забава, и почет соблюден.* И.С. Тургенев. Малиновая вода» [5]. Функционирование лишь данного факультативного компонента обусловлено характером его значения, которое коррелирует с категориальным значением «согласия, допущения, примирения и т. д.» фразеосхемы. Данное значение основывается на нескольких мыслительных операциях: выражении активного / пассивного отношения к предмету речи, его оценивании, формулировании своего положительного / нейтрального / отстраненного отношения к нему. Последнее репрезентируется как вывод или заключение, что соотносится со значением факультативного компонента *ну*.

Следует отметить, что пунктуационное оформление данного факультативного компонента может быть различным, что видно из двух предыдущих примеров: он может отделяться от последующего текста запятой либо следовать без запятой.

Фразеосхема «<Ну>V_{finite} [N, Adj, Adv] + и + V_{finite} [N, Adj, Adv]!» не допускает никакого распространения своей синтаксической структуры. Это составляет ее специфику на синтагматическом уровне анализа.

Нераспространяемость данной фразеосхемы обусловлена нестандартным для синтаксических фразеологических единиц этого класса способом производства [8]. Использование не основного союзного, а вспомогательного элемента для формирования опорного компонента привело к деактуализации синтаксических отношений между элементами структуры и к невозможности расширения модели предложения за счет дополнительных компонентов структуры.

Эта же причина привела к тому, что на основе данной фразеосхемы невозможно сформировать коммуникему [9]. В производящем сложноподчиненном предложении с придаточным условия ведущим грамматическим аспектом значения является условный характер связи между двумя пропозициями, репрезентированными частями этого сложного предложения. Однако в качестве акцентированного избрано факультативное субъективно-модальное значение [10]. Таким образом, принцип рематичности при формировании фразеосхемы и коммуникемы был изначально нарушен, что и привело к «обрыву» данной этимологической цепочки.

Фразеосхема «<Ну>V_{finite} [N, Adj, Adv] + и + V_{finite} [N, Adj, Adv]!» характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Ее воспроизводимость обусловлена деактуализацией синтаксических отношений и невозможностью формировать каждый раз заново данную синтаксическую модель [11]. Поэтому она используется коммуникантами в готовом виде как синтаксический шаблон (схема).

Устойчивость структуры описываемой фразеосхемы обусловлена наличием неиз-

менного набора обязательных компонентов, стабильностью порядка их следования, отсутствием парадигматических свойств у опорного компонента, крайне ограниченным набором факультативных компонентов (лишь один), отсутствием его варьирования, а также нераспространяемостью синтаксической структуры [12].

Устойчивость семантики определяется наличием неизменяемого фразеосинтаксического значения у всех реализаций данной фразеосхемы: сем «согласия, допущения, примирения (принятия предмета речи)» / «оценки предмета речи как обычного, соответствующего норме, традиционному представлению о нем (нейтрального отношения к предмету речи)» / «констатации факта (отстраненного отношения к предмету речи)», а также сем «интенсивности» («интенсема»), «разговорности» («разговорная стилема») и «экспрессивности».

Целостность означающего фразеосхемы выражается в невозможности опущения одного из обязательных компонентов структуры, а целостность означаемого – в наличии целостного фразеосинтаксического значения, которое репрезентируется моделью предложения в целом.

Идиоматичность анализируемой фразеосхемы проявляется вне выводимости (формальной невыраженности) элементов фразеосинтаксического значения и некоторых других. Например:

– *Мы в благородство играем, а они этим пользуются! Никого я не сдавал. И запись меня не интересует. Сделал и сделал. Мимо шел, увидел, снял. – Для чего? – спросил Петр.* (А.И. Слаповский. Большая Книга Перем).

В данном примере идиоматичным является значение «констатации факта (отстраненного отношения к предмету речи)», «интенсивности» («интенсема»), «разговорности» («разговорная стилема») и «экспрессивности».

Идиоматичной является и «синтаксема» (синтаксическая сема), репрезентирующая общее грамматическое значение синтаксической конструкции с точки зрения структурно-семантического типа предложения. По форме данное высказывание (*Сделал и сделал.*) оказывается сходным с простым членным предложением, осложненным одно-

родными сказуемыми. Реальный же статус данного высказывания – простое повествовательное предложение фразеологизированной структуры.

Несмотря на невысокий уровень экспрессивности данной фразеосхемы, у коммуниканта все же имеются возможности варьирования его коммуникативного смысла в субъективно-модальном аспекте. Например:

1) – Муж, как кольцо на пальце, – сказала она, цураясь на золотой треугольный перстень. – Вот оно! – Да, оно дорогое, оно мне нравится, а потеряла... и выяснилось, что ничего страшного в жизни не произошло. **Ушел и ушел...** Я к нему несколько раз ездила, пыталась встряхнуть, поставить на ноги, думала, вернется... А ему хоть бы хны – завел себе чешку-буфетчицу и живет с ней, на еду и выпивку хватает, больше ничего не надо... (Д.Н. Каралис. Роман с героиней) [13];

2) И знал я в то же время, что наша колониальная бедность никого удержат не может. Ребятам я сказал: – Ну и черт с ним! **Ушел – и ушел.** Есть дела поважнее. В апреле Калина Иванович начал пахать. Это событие совершенно неожиданно свалилось на нашу голову. (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма);

3) «Сронив» на пол чашку, она сильно пугалась и начинала плакать. – Линочка, здесь нет злых людей, не бойся же так! Никто не обидит тебя, – с озоранием говорила ей Марина. – **Ну, разбила и разбила!** Так же и я могла разбить! Ведь не нарочно же! (В.А. Осеева. Динка).

В первом примере представлено стандартное структурное наполнение и пунктуационное оформление фразеосхемы. Во втором – между двумя сказуемыми поставлено тире, что акцентирует внимание на предмете речи, а также способствует выражению большей решимости «согласиться, примириться с данным фактом (принять предмет речи)». В третьем примере этой же цели служит использование факультативного компонента синтаксической структуры, модифицирующего (усиливающего) субъективно-модальную составляющую означаемого фразеосхемы.

Варьирование авторской интенциональности возможно также за счет особой контекстуальной реализации данной фразеосхемы [14]. Например:

Автор, я не могу понять в чем здесь проблема? Ну, сказал Вам муж, что ему понравилась какая-то девушка и вот, если б Вы были такой же, то цены б Вам не было. Ну, и фиг с ним сказал и сказал. Примите к сведению и не надо лить слез и уж, тем более, закатывать скандал. Он же не собирается Вам с ней изменять, просто, возможно, он хочет видеть в Вас некоторые качества той девушки. Вот и все. (Катюнчик, 2005.01.02 14:39. Женщина + мужчина: Психология любви (форум)).

В данном примере значение фразеосхемы «согласия, допущения, примирения (принятия предмета речи)» актуализируется в контексте несколько раз. Сначала в левом контексте за счет коммуникемы *Ну, и фиг с ним*, которая выражает сходное с фразеосхемой значение:

«**Фиг [хрен, ...] с ним [ней, ними, тобой, вами]!** Прост. 1. Выражение вынужденного согласия, примирения с существующим положением дел, иногда в сочет. с неодобрением, досадой и т. п. – Берите, берите! – Лучше продайте другому человеку. – Это бесплатно. – **Фиг с вами!** Давайте. (Д. Донцова. Лягушка Баскервилей)» [15].

Затем в правом контексте фразой, которая прямо репрезентирует категориальное значение данной фразеосхемы: *Примите к сведению...* Многократное воспроизведение (дублирование) значения фразеосхемы обусловлено спецификой коммуникативной ситуации, в которой потребовалась сила убеждения для решения психологической проблемы и снятия высокого накала эмоциональных переживаний.

В целом данная фразеосхема соответствует своему категориальному статусу, хотя и отмечена целым рядом специфических характеристик. Она активно функционирует в разговорной речи и располагает широким арсеналом средств выражения разнообразных авторских интенций.

1. Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. 2011. № 2.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964.

3. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 11.
4. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. М., 2014.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1985.
6. Меликян В.Ю., Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь // Русский язык в школе. 2015. № 3.
7. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
8. Шанский Н.М. Фразеология русского языка. М., 1969.
9. Меликян В.Ю. Классификация русских коммуникем по степени фразеологизации // Русский язык в школе. 2012. № 4.
10. Меликян В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
12. Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
13. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М., 2013.
14. Меликян В.Ю. Стереоллингвистика (теория речевого стандарта) как раздел языкознания // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: монография. Ростов н/Д, 2012.
15. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. М., 2013.
2. Arkhangel'skiy V.L. Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Rostov n/D, 1964.
3. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskie frazeologicheskie edinity russkogo yazyka // Russkiy yazyk v shkole. 2010. № 11.
4. Melikyan V.Yu. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya. M., 2014.
5. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1981–1985.
6. Melikyan V.Yu., Vakulenko D.A. Frazeosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom-soyuzom: yazyk i rech' // Russkiy yazyk v shkole. 2015. № 3.
7. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk. M., 1972.
8. Shanskiy N.M. Frazeologiya russkogo yazyka. M., 1969.
9. Melikyan V.Yu. Klassifikatsiya russkikh kommunikem po stepeni frazeologizatsii // Russkiy yazyk v shkole. 2012. № 4.
10. Melikyan V.Yu. K probleme grammaticheskoy i slovoobrazovatel'noy paradigmy kommunikem // Voprosy yazykoznaneya. 1999. № 6.
11. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. M., 1960.
12. Shmelev D.N. Sintaksicheski svyazannye konstruksii-frazeoskhemy // Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke. M., 1976.
13. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskii frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M., 2013.
14. Melikyan V.Yu. Stereolingvistika (teoriya rechevogo standarta) kak razdel yazykoznaneya // Sovremennyy russkiy yazyk: aktual'nye voprosy teorii i metodiki prepodavaniya: monografiya. Rostov n/D, 2012.
15. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskaya frazeologiya russkogo yazyka. M., 2013.

UDC 80'42

FIXED PHRASE SCHEME “V FINIT + AND + V FINIT !” IN THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM

Olga Viktorovna AKBAEVA, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, Competitor, Theory of Language and Russian Language Department, e-mail: o.akbaeva@yandex.ru

It is devoted to the description of fixed phrase scheme of the modern Russian language with the base element “and”. The urgency is caused by the untested nature of objective space and its high relevance in practice of communication. The following methods were used in the research: descriptive method, component analysis of the sentence's semantic structure, syntactic modeling, phraseological analysis, transformational method, the method of phraseographical portraiture and etymological, contextual and discursive analysis. Phrase scheme with the base element “and” is described in structural, semantic, etymological, paradigmatic, syntagmatic, stylistic, phraseological and functional aspects. The phraseological status of the following fixed phrase scheme and its membership of the language phraseological subsystem is substantiated. It is established that this fixed phrase scheme has two binding components (constant and variable). It is characterized by the features of reproducibility, structural-semantic stability and integrity, idiomaticity and expressivity, has immutable structure as a model for building similar sentences-utterances. It is proved that the fixed phrase scheme expresses not only propositional, but also phraseosyntactical meaning. In general, the base element “and” is frequent enough in practice of speech communication, because of its systemic and functional characteristics. Its use in colloquial speech increases the effectiveness of the communication process, gives it a relaxed character.

Key words: syntactic phraseology; fixed phrase scheme; phraseological subsystem; Russian language.